

18+

Людмила Ивановна Кайсарова

Тро Масы Мидаса

Время трейд-ин

Людмила Кайсарова

Про Часы Мидаса. Время трейд-ин

«Издательские решения»

Кайсарова Л. И.

Про Часы Мидаса. Время трейд-ин / Л. И. Кайсарова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511433-4

«Часы Мидаса» Натали де Рамон вышли в «Амадеусе» в 2006 в таком виде, что издателям пришлось изъять их из продажи и убрать всякое упоминание о них на своем сайте. Но вдруг в 2020 Часы зазвонили из небытия: «Читатель имеет право знать правду и читать авторский текст»! Оригинал я уже разместила на Rideró, а в этой книжке — правда, которая посвящена памяти моего гран-ами, Сергея Фомина, благодаря которому появились на свет наши Роман Веков (Кукуев) и «Три сестры мушкетера» и моя Натали де Рамон.

ISBN 978-5-00-511433-4

© Кайсарова Л. И.
© Издательские решения

Содержание

Секреты ремесла	6
Рождение сюжета	8
Пятнадцать лет назад	11
О чем болтают фрилансеры	13
Договор, золото и игры часов	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Про Часы Мидаса Время трейд-ин

Людмила Ивановна Кайсарова

Памяти Сергея Анатольевича Фомина

© Людмила Ивановна Кайсарова, 2020

ISBN 978-5-0051-1433-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Секреты ремесла

Зимой 2004/2005 появилось в Москве новое издательство «Амадеус» с германскими корнями. Первым делом стало оно готовить большой редакторский портфель с тем, чтобы в один прекрасный день начать выдавать по пять изделий в неделю.

Стала я там работать переводчиком. Условия для переводчика-фрилансера даже по сегодняшним меркам оказались весьма привлекательны. «Белый» договор с оплатой из расчета по 7,5 у.е. за страницу минус налоги. Единственное требование: готовый перевод должен быть в пределах четырех авторских листов. Авторский лист – это примерно 22,5 страницы. Правда, сами эти договоры с кучей приложений – бюрократия тут была поставлена мощно, – я видела впервые вместе с актами сдачи-приемки работ, когда приходила ставить автограф в платежной ведомости: получала гонорар и одновременно все подписывала, не вникая и не обращая внимания на даты. Платили вовремя, без обмана, отчисления в пенсионный фонд тоже были по честному, а чем ближе соответствующий возраст, тем это важнее, особенно на вольных фрилансерских хлебах.

Еще нужно было согласиться на то, что переводчик не указывается в выходных данных. Кого-то это могло и не устроить, но у меня уже имелся достаточный опыт, когда редакторы, не ведая иностранных языков, зачастую не владея ни тематикой, ни соответствующей лексикой, правили мои переводы с таким рвением, что белое оказывалось черным и наоборот. А доказать ничего не возможно, исправить – тем более, особенно, когда обнаруживаешь редакторские фантазии уже в отпечатанной книге. Но в выходных-то данных стоит моя фамилия, и читатель, обнаружив в тексте явную бредятину, судит книгу по переводчику, до редактора-фантазера ему и дела нет. И друзьям я не могу подарить такую порченную книгу, а среди них были шикарные, подарочные, по моде, по дизайну. Не вносить же мне на каждой странице правки от руки. Так что, я даже обрадовалась предложенному «инкогнито».

Часть оригиналов для перевода уже изначально соответствовала требуемому формату и выглядела, как будущий продукт «Амадеуса»: журнальчики-тетрадки, скрепленные скобами, которые не разваливаются при чтении в отличие от традиционных пакет-буков. Такими были, например, истории про детектива-экстрасенса. Отлично выстроенный сюжет, легкий читабельный текст. Переводить – одно удовольствие. Усилий не больше, чем, скажем, набирать на клавиатуре чужую рукопись. С одной штукой я управлялась недели за две, хотя договориться могла и на два, и на три месяца.

Другие же книжки, в основном любовные романы, эти самые разваливающиеся пакет-буки, были раза в полтора-два длиннее, чем требовалось. С ними работы предстояло побольше, потому что нужно сначала прочитать и сориентироваться, какие куски выкинуть, чтобы не тратить время на их перевод. Правами на все оригиналы обладало издательство, как, кстати, и на мои переводы, поэтому я могла сокращать с чувственным удовольствием. В текстах случалось столько «воды и ваты», что сокращение только шло им на пользу.

К тому времени в издательстве «Панорама» у меня уже было опубликовано с десяток романов Натали де Рамон, один из которых даже вошел в какой-то «Топ лучших романов на ночь». В издательстве «Астрель», подразделение АСТ, под моей родной фамилией вышел сборник рассказов «Ландыши в ноябре», который потом mail.ru включит в список лучшего чтения для подростков. Множество книг побывало уже в моих руках и как переводчика, и как литературного редактора. Так что, во всех этих качествах я чувствовала себя тогда уже вполне уверенно, хотя общий стаж моего фрилансерства был еще невелик.

С работавшей со мной редактором «Амадеуса» как-то сразу сложились хорошие отношения. Когда в «Панораме» вышла очередная книжка Натали де Рамон, я подарила ее редактору. Она хитро посмотрела на меня и спросила:

– Значит, не только рассказы для журналов? Рерайт тоже вам не чужд? То-то вы так ловко сокращаете.

– Нет. Я автор. Это мой собственный псевдоним.

– Да ладно! Что, я не знаю, как устроена «Панорама»? В жизни там не было никаких авторов. Кто станет авторское за такие копейки писать? Только не обижайтесь.

– Просто нам с подружкой нравится сочинять истории. Она – моя соседка, по вечерам приходит ко мне пить чай. Чтобы не перетирать проблемы, голову освободить от них, мы и стали придумывать романы.

– Лучшее средство от депрессии?

– Конечно! Я и записываю их с той же целью, когда нет переводов. Пусть гроши, но хоть что-то. Не печататься же за свой счет, это непрофессионально.

– Согласна. Так пишите нам. Нам тоже нужны авторы. Конечно, по 1 у.е. за страницу не самый супер-пупер гонорар. Но все равно, не панорамовская же *тыщиша* за лист.

– Что ж вы раньше-то не сказали?

– Вы тоже ничего не говорили про романы. Короче, присылайте пару-тройку синопсисов, посмотрим, подрихтуем, подпишем договорчики, и вперед!

– Лав-стори с мистикой пойдет?

– Самое то! Я же курирую серию «Готика».

Рождение сюжета

У любого пишущего человека всегда есть какие-то наброски, заготовки, что-то нерелизованное, неопубликованное. Так и у меня был готовый синопсис с вампирами-вегетарианцами, отвергнутый «Панорамой» по причине неприязни хозяев к мистике. Еще имелся сценарий серии для телесериала про колдунов, который не прошел конкурс, поскольку был откровенно комедийным, а требовался хоррор. Разыскивая его в компьютере, я наткнулась на недоработанный рассказ о приключениях золотого «Ролекса». Дорогие часы там теряли, крали, меняли, забывали, но в итоге они возвращались к хозяину. Вроде и много экшена, но скучно, чего-то этому рассказу не хватало, оттого он и залежался. Я перечитала рассказ, и сразу поняла: мистики не хватало, вот чего! Да и любовная линия избитая.

Вечером рассказываю подруге-соседке, которая уже со вчерашнего дня в курсе насчет оферты «три синопсиса», что именно три у меня и есть: готовый – с вампирами, и два надо сделать – по сценарию с колдовством и по рассказу о золотом «Ролексе», но туда надо добавить мистики и любви.

– Не люблю я эту мистику, – говорит подруга. – Но деньги неплохие. А тебе давно пора и потолок освежить, и обои. Открой-ка мне в компе про «Ролекс», я почитаю, а ты пока, пожалуйста, сама чайник поставь.

Поставила я чайник, подготовила чашки и заварку. Подруга из комнаты кричит:

– Прочитала! Открой про колдовство!

Открываю ей про колдовство, она читать начала и говорит сразу:

– Это я помню, про собаку, вернее, про кобеля. Как у богатой невесты жених загулял, и она пошла к колдуну, чтобы отвадить любовницу.

– Ну да, и жених превратился в мастифа к радости собственной мамочки. Теперь его не уведут у нее никакие девки.

Соседка машет рукой, перебивает:

– Я помню, помню! Богатой невесте не хватит силы любви, чтобы вернуть его в человека, а бедная любовница легко справится. И будут они с ней жить долго и...

Слышим, чайник на кухне засвистел. Я говорю:

– Ты все-таки просмотри хоть по диагонали, пожалуйста, а я пойду чай заварю.

Стали мы пить чай. Она молчит. Я не вытерпела и спрашиваю:

– Ну чего? Чего делать-то будем? Совсем не годится?

– Ты как хочешь, но и то, и то – уныло. Про кобеля еще ничего, только почему хорошей обязательно должна быть бедная девушка? Почему богатая – обязательно плохая? Давай, пусть у нас богатая будет хорошая.

– А бедная?

– Бедная... Пусть она уж не совсем бедная! И не совсем плохая. Нормальная. Учительница.

– Учительница? А что она преподает? Математику? Литературу?

– Биологию. А математику пусть преподает...

– Ее парень?

– Может быть. Но обязательно хороший. Вот! Он сначала ее парень, а потом в него влюбится богатая, и он тоже в нее влюбится. И все у них хорошо.

– А бедная? Она останется с богатым? Чтобы, как в «Женитьбе Бальзамина»? Богатый тоже хороший?

– Не очень, раз превращается в кобеля. Нет, у учительницы просто будет другой хороший парень. Очень, очень хороший!

– Тоже учитель?

- Нет, ну куда столько учителей. Пусть он будет...
- Подруга задумалась. Я сходу предложила:
- Агент по недвижимости? Риэлтор?
- Почему бы нет?
- Потому, что я забыла, что героиня в вампирах – риэлтор.
- Ну и что? Может, и хорошо, может, в вампирах они будут коллегами по работе.
- А учитель математики откуда свалится?
- Колдунья превратила его в собаку еще раньше, и никто не видит в нем человека, а богатая, которая пришла к колдунье, увидит и расколдует.
- Слушай, подруга, а у тебя уже получаются мистические сюжеты! Не люблю мистику, не люблю мистику...
- Подожди, а богатый-то кобель у нас с кем будет, когда расколдуется?
- Ни с кем.
- Так и останется собакой навсегда? Нет. Не хорошо. Нельзя.
- Станет человеком, не волнуйся. Девушку мы ему подберем, если захочешь. Лучше, давай, какой масти будет математик? Овчарка?
- Нет. Там уже есть овчарка из секретарши. Но собака все равно должна быть большая. Не люблю мелкоту.
- Я тоже не люблю. Сеттер? Борзая? Пудель? Лабрадор?
- Ой, только не пудель. Лабрадор... Ну, ничего, но не то. Какие еще есть породы?
- Спаниель?
- Нет, маловат. Надо побольше. Парень же хороший.
- И тут я чувствую, что меня осеняет, но сомневаюсь, поэтому осторожно спрашиваю:
- А почему обязательно собака? Есть же другие животные.
- Какие? Лошади? Коровы? Как ты себе представляешь быка в квартире в Париже?
- Ладно. Давай, подумаем, какой наш математик внешне и по характеру. Что любит, чем увлекается?
- Женщинами! Он бард.
- Играет на гитаре?
- Это в Испании на гитаре. А в Париже на аккордеоне играют. Ты же сама давала мне слушать парижскую мюзет.
- Он высокий, тощий, но жилистый. Широкие плечи.
- Борода и усы.
- Терпеть не могу бороду!
- Ну и что? Это ж не для тебя парень, а для богатой. Может, ей нравится.
- Нет! Пусть он ее сбреет, чтобы ей понравиться.
- Сначала просто подстрижет и бороду, и волосы. Они у него за пять лет ниже колен отросли.
- Он пять лет зверем пробыл?
- Да! А его мамаша – вороной. Она к колдунье пошла, чтобы от него девок отвадить...
- Чтоб не котовал? – влезая я.
- Ну, конечно, чтоб он только при ней был... Стоп! Я поняла, ты хочешь сделать его котом!
- По-твоему, слишком маленький зверек для хорошего парня?
- Подруга развеселилась.
- Как же я сразу не сообразила, ты ведь жить не можешь без котов!
- Смотри, все складывается. Пять лет назад у математика и учительницы биологии дело шло к свадьбе, но мамаша пошла к колдунье...

– А, давай, пусть будет колдун! Надоели колдуньи. Он заколдует и парня, и мамашу, и поселится в их доме.

– В доме? Не в квартире?

– Конечно, пусть мамаша живет за городом в частном доме, ну, как наши друзья в Подпарижье. И колдун завладеет этим домом.

– Хорошо! – радуюсь я. – Пять лет математик-кот и мамаша-ворона проведут у колдуна, а невеста-биологиня будет считать, что он ее бросил. А богатый жених богатой героини тем временем сделает учительницу своей любовницей...

– Но он не собирается на ней жениться!

– Конечно, нет. Учительница это понимает, у нее заводится хороший парень, и когда очередной раз к ней приходит богатый, она его выгоняет...

– А он забывает у нее свой «Ролекс»! – перебила подруга. – Поняла? Пока богатая героиня у колдуна, ее богатый жених – у учительницы. Две истории сливаются в одну.

– Хотелось бы сразу три, а не две...

Подруга замахала руками.

– Ну, придумаем потом. Какие сложности? А сейчас эти две друг в друга укладываются, как родные. – Она даже наглядно показала, как это происходит, сложив одну руку ковшиком и вставив щепотью туда другую. – Видишь? А отдельно к истории с часами мистики трудно привязать.

– Чего трудного? Часы волшебные или с каким-нибудь проклятьем. Не заведешь вовремя – помрешь, например.

– Лучше уж в них волшебство, чтобы мотаться туда-сюда во времени.

– Супер! То, что нужно! И никто ничего не помнит, что прежде было.

– Нет, пусть все-таки немножко помнят. Как сон или дежавю. Чтобы глупостей не наделали.

– А когда делать-то? Объем четыре листа, это страниц сто, не больше.

Затем по учебнику французского языка мы подобрали персонажам французские имена, поскольку мои исходники – рассказ и сценарий – были из русской жизни. А через пару дней я отправила редакторше два синопсиса.

Вскоре она позвонила:

– Приезжайте подписывать договор.

– Когда?

– Да хоть прямо сейчас. Хотя, знаете, зачем вам мотаться лишний раз? Послезавтра будет выплата. Просто телефонируйте мне завтра, когда определитесь с кассиром по времени.

Еще одной положительной особенностью «Амадеуса», явно продиктованной его немецкими корнями, было то, что выплату гонораров никогда не задерживали. Причем, кассир звонила накануне, сообщала сумму и обговаривала точное время. Я приезжала к этому времени, без каких либо ожиданий и очередей получала деньги и подписывала бумаги. Так и в этот раз кассир позвонила, мы договорились на завтра, на половину четвертого. Я позвонила редакторше и ей об этом сообщила.

Пятнадцать лет назад

На следующий день у меня самой было уже запланировано много беготни по городу. Когда занимаешься фрилансом, а это значит, что в любой момент может позвонить потенциальный заказчик и предложить работу, то все дела, требующие выхода из дому, стараешься объединить в один день. Это сейчас у всех есть мобильники, да не по одному, а пятнадцать лет назад они были роскошью или дорогим рабочим инструментом тех, кто в силу профессии постоянно в дороге. Первый мобильник появится у меня только в 2008-ом, а тогда в нем не было даже необходимости, потому что я работала, что называется, на дому. На удаленке, как теперь называется. Городской телефон и электронная почта – вполне достаточно.

Зимы пятнадцать лет назад отличались от нынешних градусов тоже минимум на пятнадцать с минусом. А в тот день была не только жуткая холодина, но еще и ветер, и снег с дождем. Как ни странно, но со своим набором деловых встреч и разездов я управилась почти на час раньше, чем предполагала. Смотраться домой и перекусить я уже не успевала, а для прогулок не подходила погода, так что, я отправилась напрямик в «Амадеус». Даже если моя редакторша будет загружена и не сможет заняться со мной досрочно, все равно лучше провести время под крышей и в тепле.

Приезжаю, начинаю подниматься по лестнице. Здание старое, этажи высокие, лестничные пролеты просто гигантские. И мне уже дико жарко. Снимаю шляпу, разматываю шарф, но все от снега сырое, не сунешь в сумку. Еще и мокрый зонт. Несу все в руках.

Бухгалтерия была ниже этажом, чем сидела редакция. Может, зайти, думаю, по дороге? Но вдруг ждать придется под дверью, я ведь не к назначенному времени приехала. Стульев здесь в коридорах для посетителей нету, не госучреждение. Пойду-ка я лучше к редакторам, там разденусь, потому что, если сейчас пропотею, то потом выходить на улицу с мокрой спиной слишком рискованно.

Комната моей редакторши помещалась в другом конце коридора от основного входа на этаж, ближе к черной лестнице. В той же комнате вместе с ней сидел еще один коллега. Он был немец, но русским владел очень хорошо, даже писал по-русски очень милые детские сказки, он вообще знал много языков. Молодой, лет тридцать с небольшим, а по виду – просто долговязый студент-очкарик. Его стол, подоконник и стулья за спиной были завалены немецкими книжками, которые он постоянно читал и листал, подбирая стоящие для запуска в производство.

Пятнадцать лет, конечно, не пятьдесят, но все равно, большая часть всего стерлась в памяти. Остались лишь какие-то образы, ощущения, редко – яркое словечко, еще реже – фраза. Любой мемуар – это не стенограмма. Всего лишь некая реставрация, даже моделирование чего-то внятного и последовательного из кусочков, обрывков, выловленных из памяти. Воспоминание всегда очень субъективная вещь, очень личная. Один человек увидел, запомнил и рассказал так, другой – всегда иначе. Ведь недаром говаривал Антуан де Сент-Экзюпери: «В действительности все не так, как на самом деле».

Один и тот же человек в жизни и в описании даже самого тщательного биографа – все равно разные существа. Один – реальное лицо, другой – все равно как бы литературный персонаж. Поэтому не хочу употреблять настоящие имена живых людей, стану называть условно свою редакторшу – Дина, ее коллегу-немца – Генрих, а где возможно, постараюсь обойтись вообще без имени, тем более, если я его никогда не знала.

Итак, подхожу я к двери редакторов, а она заперта, хотя ключ снаружи торчит. В принципе, можно и войти, избавиться от пальто и шляпы, зонт устроить сушиться на пол и ждать внутри, но как-то неловко. Я бы лично не ощутила восторга, когда б кто-то без меня сушил

зонт в моем кабинете. В бухгалтерию, что ли, спуститься? Нет уж, надо передохнуть. Лучше всего – перекурить на черной лестнице. Там можно и на подоконнике посидеть.

О чем болтают фрилансеры

Выхожу на черный ход, а у окна уже курят две какие-то тетki моего возраста, и одна оконная створка настежь распахнута. Снег так красиво по темному небу клубами, но внутрь ничего не залетает, сторона подветренная. Тем не менее, снимать пальто мне совсем расхотелось. По сравнению с коридорами, тут царилa прямо-таки горная свежесть.

Киваю теткам из вежливости, пристраиваю на подоконник свои вещи, закуриваю и невольно слышу их разговор:

– ... да ну, самое нудное – отсканировать каждую страницу. А уж сканы в текст перекинуть и через переводчик прогнать – фигня по времени.

– Ничего себе, до чего дошла техника! Я, конечно, чувствую, что перевод машинный, но вот откуда берется текст исходника в электронном виде...

– Из сканера! – перебивает собеседницу продвинутая новаторша. – Оплата, конечно, как в любом бюро переводов, зато «в белую», и объем-то какой! Мы с мужем, он у меня айтишник, наловчились – до пяти книжек за неделю!

– Ой, слушай... Прямо не верится. Вот бы раньше знать.

– Ну так. Ноу-хау!

– И ты, что, после переводчика ничего не правишь?

– Даже не читаю. Мне не платят за рерайт.

– Я бы делала и то, и другое. Тут рерайт очень легкий, не то, что в «Панораме». Там и место действия измени, и имена, и треть текста – на новый из головы, а тут – только тупо сократить и более ли менее отредактировать. 3,5 у.е. за перевод плюс 2,5 у.е. за рерайт, это же... Больше 500 у.е. за книжку!

Новаторша отмахивается рукой, под монолог рерайтицы закурив новую сигарету:

– Не грузи! Математик... У тебя рерайт одной книжки тут сколько по времени?

– Когда как.

– Но не меньше недели?

– Ты что! Недели две-три, когда по формату совпадает, а то и месяц, если много сокращения. Иногда ведь даже персонажей надо убирать, значит, сцены с ними – переписывать. А я вообще-то работаю по трудовой, рерайтом только подхалтуриваю.

– Видишь, даже если ты будешь подхалтуривать 3,5 плюс 2,5, у тебя на книжку в среднем три недели по-любому уйдет. Пятьсот за три недели тоже не фигово. А у меня в неделю за пять книжек – около четырехсот, соответственно, за три недели...

– Тысяча двести! – вскрикивает рерайтица и тоже закуривает по новой.

– Ну, поменьше, примерно тысяча «грязными», в смысле, без налогов. По-любому, вдвое больше.

– Был бы английский, я бы точно 3,5 плюс 2,5 работала безо всякого подстрочника.

– У, английский! Мы бы с мужем таких книжек и по семь, да что там, и по десять бы шуровали в неделю. А с немецким голову сломаешь, пока разберешься, не пропустили ли чего на сканере, не перескочили ли потом страницы.

– Да ну, хуже китайского, – хмыкает рерайтица и поглядывает на меня, как бы приглашая к беседе. – Там иероглифы, и сразу ясно, что не понять, а тут – буквы английские, кажется, прочтешь легко, но как бы ни так!

– Да жуть, – соглашается новаторша и говорит, обращаясь именно ко мне: – Кто его вообще знает, этот немецкий?

– Я знаю, – говорю я и не могу удержаться, чтобы не хмыкнуть, потому что они обе замерли и смотрят на меня, как на привидение.

Выкидываю окурочек в урну, достаю сигареты и зажигалку, снова закуриваю, а они на меня всё так же молча смотрят. Мне ужасно смешно, но я только улыбаюсь и держу паузу, потому что занятно, что будет дальше.

– Ну и сколько тебе платят? – первой выныривает из тишины новаторша.

– Семь с половиной за перевод. За авторский текст пообещали десять. – Мне ведь тоже охота повыпендриваться.

– Семь с половиной? – округляет глаза новаторша. – Ну ни фиги себе! Это ж на полтора у.е. больше, чем за подстрочник с рерайтом!

– 800 за четыре авторских листа! – одновременно с новаторшей взвизгивает рерайтица, делает затяжку и вдруг громко кашляет, видимо, от волнения дым попал не туда.

Новаторша заботливо гладит ее по спине, забирает недокуренную сигарету и выкидывает в урну.

– Кончай курить. Дым уже из ушей.

Она оборачивается ко мне, явно намереваясь что-то сказать, но тут двери из коридора распахиваются и на лестничной площадке со словами:

– Можно с вами? – появляется еще одна особа женского полу в мокрой с улицы одежде, но значительно моложе нас всех.

– Заходи, – говорит новаторша. – А ты кто?

– В смысле? – Новенькая явно сбита с толку.

– Ну, я – переводчик, – представляется новаторша. – Это вот – рерайтер, а это...

– А! Я поняла! – радуется новенькая, перебивая новаторшу. – Я корректор. Вы, что, все тоже за деньгами? Кассира ждете, которая с главбухом в пробке? Я тоже в автобусе по пробкам полтора часа! Какие-то четыре голимые остановки! Полтора часа! Ну и погодка! Жесть! Как бабуля скажет, собаку на улицу не...

– Да остановись ты! Тараторка. Не части, – оборвала ее новаторша. – Лучше скажи, сколько тебе платят за страницу?

– А что? – Тараторка гордо выпрямилась и посмотрела на новаторшу сверху вниз. – Какое вам дело? Это конфиденциальная информация.

От ее позы и тона не рассмеяться было просто не возможно, что мы, все три тетki, и сделали. Девчонка расширила глаза, забегала ими по нашим лицам, сутулясь и пятясь к двери.

– Что я вам такого сказала? Почему вы надо мной смеетесь? – В ее голоске явно слышались слезы, да и глаза мокро заблестели. – Корректор – крутая профессия!

– Крутая, крутая, никто и не спорит. – Новаторша стала гладить ее по рукавам влажного пуховика, заглядывая в глаза. – Успокойся. Ты чего?

Рерайтица протянула ей сигареты.

– Ты курить хотела. Вот, возьми.

– Не надо. У меня есть свои.

– Никто над тобой не смеется, – продолжила новаторша. – Это мы анекдоты травили перед твоим приходом. Ведь, правда? – И посмотрела на меня.

– Ну да, – как можно искренне подтвердила я. – Анекдоты.

– А тогда, – девушка резко отстранилась от новаторши и показала на нее: – Почему она... В смысле, почему вы спрашиваете, сколько мне платят? Какое вы имеете право?

Мы, три тетki, переглянулись, но приступ смеха сдержали. Девушка шагнула в сторону, достала сигареты и закурила, отвернувшись от нас к окну.

– Ну вот чего ты к девочке пристала? – сказала новаторше рерайтица. – И так ясно. – Она кивнула в мою сторону. – Из ее семи с половиной вычитаем твои три с половиной и мои две с половиной. Полторы на корректуру и остается.

Новаторша замотала головой.

– Не. Мало. Не может корректор меньше рерайтера получать. Нужно вычитать семь с половиной из десяти.

– Две с половиной? – уточнила рерайтица. – Столько же, как и я?

– Да полторы мне платят. Полторы! – громко, но через плечо произнесла девушка, и, обернувшись, добавила: – Спасибо, буду знать, что рерайт здесь по два пятьдесят, а я-то им за полторашку... Я ж не знала! Жесть... Я-то думала, что, как в «Панораме». По полтора – ведь та же самая тысяча за лист. Только там рерайтера называют переводчиком, а здесь – корректором. Жесть...

Мне захотелось ее утешить, и я сообщила:

– Авторы в «Панораме» тоже называют переводчиком в выходных данных. Платят сначала столько же, но после третьего романа начинают каждый раз понемножку прибавлять, по сотенке.

– А в договоре пишут как?

Она заинтересовалась, остальные – тоже. Я уже жалела, что сболтнула лишнее. Но куда теперь денешься?

– В договоре пишут автором, указывают авторский псевдоним.

– И вы пишете за гроши?

– Ага.

– Ха! Я б не стала, – заявила новаторша. – Время тратить на «Пилораму».

– А я бы стала, – со вздохом проговорила рерайтица. – Хоть в «Пилораме» бы напечататься. Хоть раз в жизни. Хоть одну книжку.

– Ну и напиши, если деньги лишние! – Новаторша передернула плечами.

Словно, не слыша ее, рерайтица продолжала, глядя на бурю за окном.

– В серьезные издательства все равно не возьмут с улицы да в таком возрасте. Я много раз начинала...

– Не получается? – сочувственно предположила девушка. – По времени или вообще?

Рерайтица обернулась к ней и спросила так, будто они были здесь совсем одни:

– А у тебя получается?

– Я специально в литинституте учусь. На втором курсе. Просто живу в общежитии и никаких связей. А я такой делаю рерайт, ни один автор в жизни не подкопается! Его текст скорее примут за плагиат лажовый, чем мой! Я этим амадениусам устрою! Будут мне больше всех рерайтеров платить! Жесть!

Рерайтица от таких слов явно вернулась в реальность. Она посмотрела на меня. Грустная улыбка. Конечно, она права, что тут понимаю ее только я.

– Рерайт у меня самой, что надо, – заверила она девушку. – Я тебя спрашиваю, получается у тебя собственные романы до конца писать?

Но мы уже этого не узнали, потому что снизу на лестнице появилась кассирша и, запрокинув голову, спросила:

– Кто тут на два часа за гонораром?

– Я! Я! – завопила девушка и понеслась вниз.

– Может, и мы потихоньку пойдем? – предложила рерайтица. – Я на два пятнадцать.

– Я на два тридцать, – сообщила новаторша, взяла рерайтицу под руку и кивнула в сторону моих вещей на подоконнике. – Забирай свои манатки и айда.

– Да я на половину четвертого.

Новаторша удивленно повела бровью.

– А чего так рано подгребла?

– Договор пришла подписывать. – Я ринулась к своей сумке.

– Она ж говорила, что авторский договор ей дают по десятке за страницу, – напомнила новаторше рерайтица.

– Вышла перекурить, пока редактор формы на меня заполняет, ну и зависла тут с вами. –
Врала я веселым голосом, запихивая в сумку подсохший шарф: – Она, небось, меня потеряла.

– А чего вещи не оставила у редакторов?

И тут очень вовремя из двери в коридор выглянула моя Дина, приветственно покивала всем и поманила меня рукой.

– Привет! Так и знала, что вы здесь! Пойдем, пойдем. День сегодня ненормальный какой-то. И часы у меня встали, и вообще.

Договор, золото и игры часов

Я подхватила свои вещи и поспешила убраться. Дверь на лестницу за нами захлопнулась.
– Вы уж извините, что заставили вас ждать, – Дина почему-то извинялась. – Деньги-то уже получили?

– Нет. Я ведь на половину четвертого.

– Так давно пятый час. Тоже выпали из времени?

Она показала мне часы на своей руке. Почти двадцать минут пятого. Мои часы были под рукавом пальто да еще и под двумя кофтами, а руки заняты сумкой, зонтом и шляпой – не подобраться.

– Пожалуй, – в тон Дине соглашаюсь я, прикидывая в уме, что, если я пришла сюда в половине третьего, а сейчас пять, значит, прокурила я на лестнице почти два часа. Как-то слишком долго... – Но выпала-то, в основном, бухгалтерия. Кассир с главбухом в пробке застряли из-за этой погоды, когда ездили в банк. Деньги начали выдавать буквально пару минут назад. Так что, до меня не скоро дойдет очередь.

– С ума сойти! – Дина распахнула передо мной дверь в комнату. – Ну и денек! Бухгалтерия в пробке, часы встали. Еще и мой муж ключи дома забыл. Генрих, представляешь, бухгалтерия в пробке застряла! Только что начали выдавать внештатникам.

За своим, заваленным книжками столом, среди которых едва помещались монитор и клавиатура, и где-то прятался телефон, сидел Генрих, как обычно, погруженный в чтение. Я поздоровалась с ним, он ответил, взмахнув рукой, сказал Дине:

– Это специально для тебя, чтобы ты автора не потеряла, – подмигнул мне и опять нырнул в очередной пакет-бук.

– Вы зонт-то раскройте, поставьте, пусть сохнет. Как вы его еще не сломали по такой погодке, – приглушенно говорила Дина, пока я разбиралась с зонтом и раздевалась. – Вы уж извините, что такая ерунда вышла с нашей дверью...

Освободив руки, я смогла добраться до своих часов. Они показывали начало шестого, а не пятого, как только что я видела на часах Дины. Иначе бы я точно спросила, что произошло с дверью, но от растерянности не могла вымолвить ни слова.

– ...я же вас жду, как договорились, – продолжала Дина, – и вдруг по часам на мониторе понимаю, что пора бы вам уже быть, а мои часы стоят. Наверное, от снега намокли. Я раздевая выскакивала на улицу. Муж ключи от дома забыл. Так быстрее, чем выписывать ему пропуск. Я выправила на часах время, завожу, и тут в дверь стук. Думаю, вы. Кричу: «Заходите! Открыто!» А мне он, – она показала на Генриха, – из-за двери: «Сама открывай! С кем ты там уединяешься?» – «Ни с кем», – отвечаю и скорей к двери. Дергаю ручку, дергаю, никакого впечатления!

Тут Генрих громко хмыкает и отвлекается от чтения:

– Конечно, если она на ключ заперта. Я тебе сто раз говорил, не оставляй ключ снаружи в двери, рано или поздно шутник найдется и нас затюремит.

От его словечка я тоже хмыкаю и интересуюсь:

– Что, и ключ пропал?

– Не совсем, – говорит Генрих. – Мы его потом нашли под дверью. А сначала я был вынужден за запасным к вахтерам сбегать. Зато потом я угадал, что вас искать...

– Вот и нет! Это я угадала. Ты же не куришь.

– Что искать нужно! А не где. Вечно не дашь договорить!

– Ну, извини. Поторопилась.

– И твои часы ни от какого снега остановились, а от твоей спешки. Ты точно крутила стрелки назад.

– Ну и что? Так быстрее.

– Так часы ломаются. Это все знают. Вот вы, пожалуйста, скажите, – обратился он ко мне: – Когда сегодня вы переводили часы на зимнее время, вы стрелки перекрутили на двадцать три часа вперед или на час назад?

Они оба уставились на меня в поисках поддержки.

– Если честно, то я их вообще не переводила. – Я подняла руку и показала обоим циферблат своих часов. – Я вообще забыла, что сегодня первое декабря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.